

Грозный царь Иван Васильевич

(Звенигор. уезда, Воронки)

Грозный царь Иван, сударь, Васильевич,
Созывал он почётный пир,
Всех князьёв и господ бояр;
И хвалился грозный царь,
Иван, сударь, Васильевич:
«Взял я Казань, взял и Астрахань,
Взял великий скобы Новгород¹,
Вывел измену из каменнóй Москвы!»

Его сын и возгóворит:
«Ты родимый мой тятинька,
Грозный царь Иван Васильевич!
Не во гнев бы твоей милости!
Не хвались ты, мой тятинька:
Взял ты Казань, взял и Астрахань,
Взял великий скобы Новгород, —
Не вывел измену из каменнóй Москвы.
Что измена-то с тобой за одним столом,
За одним столом пьёт и кушает,
Бела лёбедея рúшает,
С одного блюда, с одной ложечки!»

Грозный царь Иван Васильевич:
«Уж и как же нам свово сына известь?»
Выходил он на нóвое крыльцо,
Закричал он громким гóлосом своим:
«Ино есть ли у меня палачи,
Палачи-то уда́лы молодцы́,
Чтоб срубили сыну голову
Да по самыя по плечики,
По его бы по могучия,
Положили б на серéбряно блюдо,
Принесли бы к государю во дворец!»

Не успел он слово молвити,
Уж где нэ взялся стремённый стрелец,
Он садился на несёдлаго коня,
Он и гонит Никитской улицей
Ко Никите ко Романычу:
«Вы раздайтесь, люди добрые:
За мной дело государево!»
Он идёт — от дверей отпихивает,
Всех слуг-прислуг отпыривает,
От дверей отдвигивает:
«Отойдите, слуги верные:
За мной дело государево!!
Он стоит-то — богу молится,
Богу молится, сам речь говорит:
«Ты, Никита Романович!
Чтó ты крепко спишь — не прóснешься?
Ты не знаешь горя великого:
Что потухла воску ярого свеча,
Что померкло солнце красное,
Что померкли звезды восточныя,
Что не стало твоё крестничка,
Нашего млáдого царевича!
Повезли-то его на Болóтичко,
На Болóтичко, на Житный двор,
Чтоб срубить-то ему голову
Да по самыя по плечики,
По его ли по могучия!»

А Никита Романович,
Он скорёхонько просыпается,
В лёгку одёжу одевается,
На босы́ ножки в сапóжки обувается,
Он садится на несёдлаго коня,
Он и гонит Никитской улицей
На Болóтичко, на Житный двор:
«Вы раздайтесь, люди добрые:
За мной дело государево!»
Никто за топор не примáется,
У всех руки отымаются;
Уж как взялся-принялся Малютушка,

Что Малюта Разкурлатов сын.
Он ударил его по белу́ лицу:
«Ты, Малюта Разкурлатов сын!
Не за свой ты кус хватаешься.
Этим кусом ты подавишься!
Ино кто хочет за царя умереть?
Того господи избавит от грехов,
От грехов, от муки вечныя!»
Уж и выискался стремённый стрелец:
«Я хочу за царя умереть!»
Тут срубили ему голову
Да по самыя по плечики,
По его ли по могучия;
Положили на серёбряно блюдо,
Понесли к государю во дворец.
Грозный царь Иван Васильевич,
Выходил он на Кра́сное крыльцо:
«Что собаке собачья смерть!»

Во светлое Воскресеньице
Разослал указ по всей Москве,
По всем городам, по всем деревням:
Что заўтра, в светло Воскресение,
Приходили б люди добрые,
Приходили бы ко заўтрене.
Они все бы в платьях чёрных,
Они все бы во кручїнных,
А Никита Романович,
Уж он поцветнее всех надел.
Он стоит — богу молится.
Что выходят от заўтрени,
Поздравляет его с праздничком
И со младым царевичем.
«Ох ты, кум, кум любезный мой!
Что ж ты мною насмехаешься,
Надо мною наругаешься?
У меня после обеденки
Всем боярам перебор будет,
Стану казнить, стану вешати:
А тебе, кум, пёрва пётелька!»

После заутрени разослал он указ
По всей Москве, по всем городам,
По всем городам, по всем деревням,
Приходили б люди добрые,
Приходили б в платье чёрным,
Они все бы во кручинном;
А Никита Романович
Еще поцветней того надел.
Он стоит — богу молится,
Младаго царевича под полбй держит.
Как выходят от обеденки,
Поздравляет его с праздником
И со млáдым царевичем.
«Ох, ты кум, кум любезный мой!
Уж и как же мне тебя назвать будет?
Али дядюшкой, али батюшкой?
Ино будь же ты мне бóльший брат!»

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

1 Это сочетание, по недослышке, образовалось из слов: «Взял велик Опскóв и Новгород». — О.